

В шоу-бизнесе, каким бы скрытным ни старался казаться артист, при желании всегда можно откопать зацепки, касающиеся его семьи. Даже под самым плотным покровом тайны пытливым глаз рано или поздно разглядит общие очертания.

Но Линь Тунси был исключением.

С самого дебюта он находился в эпицентре бурь. За последние годы на него вылили тонны грязи, его имя не сходило с верхних строчек поисковых трендов. Разумеется, хейтеры не раз пытались раскопать хоть что-то о его происхождении и близких, но все их усилия оказались тщетными.

Он окончил театральную академию, и вся его студенческая жизнь была как на ладони. Однако до поступления в вуз — глухая стена. Никаких упоминаний о начальной, средней или старшей школе. Белое пятно на карте биографии. Ни имен бывших одноклассников, ни случайных воспоминаний от старых знакомых на просторах Сети. Будто этого человека до восемнадцати лет просто не существовало.

Подобная стерильность казалась неестественной. Пользователи Сети давно сошлись во мнении: всю информацию о прошлом Линь Тунси методично сожгли и спрятали под надежный замок.

О том, кто стоял за этой зачисткой, ходили самые разные слухи. Одни утверждали, будто актер сделал это сам, другие кивали на влиятельных спонсоров. Разумеется, во вторую версию верили охотнее всего.

До начала съемок Гао Лан не раз слышал эти сплетни, но никогда не принимал их всерьез. Теперь же он понимал: Линь Тунси происходил из невероятно элитарной семьи. И все домыслы сетевых сыщиков не имели ничего общего с реальностью. Клань такого масштаба никогда не позволит выставить жизнь своих наследников на всеобщее обозрение.

Гао Лан и прежде симпатизировал молодому коллеге, но сейчас, когда тот раскрылся с совершенно новой стороны, мужчина перестал скрывать свое восхищение.

Линь Тунси уловил перемену в настроении присутствующих, но не подал виду. Вместо этого он указал на их телефоны:

— Мои люди проанализировали всё, что произошло за последние дни. Я отправил вам отчет, взгляните. Удары наносились по съемочной группе, по нашей картине, задела учителя Гао и Маньмань. Но, судя по сегодняшним трендам, вы и сами понимаете: их главная мишень — я.

— Мы прочесывали площадку в поисках шпионов и незаконных фотографов, — нахмурился Ся Чуньчжи, — но так и не вышли на след. Ни единой зацепки.

Режиссера это по-настоящему злило. В его проектах никогда не случалось подобных утечек, а тут, несмотря на драконовские меры безопасности, злоумышленники умудрялись оставаться невидимками. Чувство бессилия душило его.

— Мои пиарщики заметили странность, — добавил Гао Лан. — Предыдущие грязные хэштеги исчезали на удивление легко. Стоило связаться с платформой и договориться об условиях, как их тут же убирали. Но сегодняшние темы словно прибили гвоздями. Никакие переговоры не работают. Мы пытались раскопать, кто платит за этот банкет, но уперлись в тупик.

Ли Маньмань согласно закивала. У нее дела обстояли еще хуже. Ее скандальный хэштег взлетел в топы именно сегодня вечером, и ситуация развивалась куда стремительнее, чем у Гао Лана. Грязь намертво связалась с ее именем в поисковых подсказках, что наносило колоссальный удар по репутации. Ее агентство уже сбилось с ног, пытаясь исправить положение, но результатов не было.

— Не переживайте, — ровным голосом произнес Линь Тунси. — Мои люди проверили записи с камер наблюдения. Буквально только что мне сообщили, что подозрительный тип из отеля пойман. Тот, кто незаконно установил скрытую камеру, уже задержан и передан полиции. Сейчас он дает показания. Съемку вели трое разных людей, именно поэтому их было так трудно вычислить. Первый — обычный папарацци-наемник. Второй и третий — подкупленные сотрудники нашей съемочной группы из отдела костюмов и реквизита. Полное досье на них я вам сейчас перешлю.

Ся Чуньчжи и Ли Маньмань тут же уткнулись в свои экраны. Гао Лан даже не взглянул на телефон. Его взгляд был прикован к Линь Тунси.

— Кто заказчик? — спросил он.

Линь Тунси мягко улыбнулся:

— Прямых улик пока нет, так что я не могу бросаться обвинениями.

— Неужели твои каналы ничего не нащупали? — прищурился Гао Лан. — Или у тебя уже есть конкретный подозреваемый?

Линь Тунси на мгновение встретился с ним взглядом, после чего негромко рассмеялся:

— Учитель Гао, посредники сработали чисто. Никаких прямых ниточек к кукловоду. Да, у меня есть догадки, но уверен, что и у вас тоже. Сегодняшняя шумиха в Сети слишком топорная, хвосты спрятать не удалось. Рано или поздно тот, кто за этим стоит, выдаст себя с головой. Но пока у нас нет железных доказательств, лучше помалкивать. К тому же, пойманная троица не видела конечного заказчика. С ними связывались мелкие пешки, пустышки без связей и веса. Распутывать этот клубок — адский, затяжной труд, а времени у нас в обрез.

— И ты предлагаешь просто опустить руки только потому, что это сложно? — в голосе Гао Лана скользнуло искреннее возмущение.

— Разумеется, нет, — с тихой уверенностью возразил Линь Тунси. — Всеу свое время. Моя команда продолжит копать. Но сейчас у нас есть более насущная проблема — пожар в соцсетях. Нужно минимизировать ущерб для фильма. Съемки не должны страдать из-за чужих грязных игр.

За последние дни проект штормило без перерыва. Позитивные инфоповоды тонули в тоннах срежиссированного негатива, который отравлял атмосферу вокруг фильма. Гао Лан, сам не раз становившийся жертвой подобных информационных атак, прекрасно понимал, как тяжело переломить общественное мнение, когда на тебя работает отлаженная машина черного пиара.

Он пристально посмотрел на юношу:

— Что от нас требуется? Говори прямо, я сделаю всё, что нужно.

Напряжение, сковавшее Ли Маньмань, начало отпускать. Слушая спокойную, логичную речь Линь Тунси и изучая безупречно подготовленные документы, она почувствовала, как к ней возвращается самообладание. Ее растерзанное скандалами и уязвленное недавним отказом сердце наконец успокоилось. Посмотрев на красивое, уверенное лицо Линь Тунси, она кивнула, подтверждая слова Гао Лана.

— Режиссер Ся предложил выпустить официальное заявление от лица съемочной группы, и я согласен, — заговорил Линь Тунси. — Однако наш релиз должен последовать строго за рапортом полиции. Как только правоохранительные органы опубликуют новость о задержании тех двоих, мы тут же выходим со своим текстом. Сделаем упор на двух вещах: во-первых, персонал был подкуплен извне; во-вторых, руководство проекта не имело к этому никакого отношения, но приносит извинения и ужесточает контроль на площадке. Дело приняло слишком серьезный оборот, поэтому полиция не станет замалчивать факт задержания. Официальному аккаунту фильма нужно лишь вовремя подхватить их публикацию.

Он перевел взгляд на актеров:

— Следом должны высказаться ваши агентства. Я набросал черновики заявлений для вас обоих — посмотрите, можете править или сокращать как сочтете нужным, главное — сохранить общую канву. И только после вас точку поставит моя студия.

Получив файлы, Гао Лан и Ли Маньмань углубились в чтение. Выражение их лиц мгновенно изменилось. Обычно невозмутимый Гао Лан потрясенно вскинул брови, а Маньмань посмотрела на Линь Тунси с неприкрытым восторгом.

— Брат Линь... ну ты и кремень! — выдохнула она.

Подготовленные черновики не просто опровергали сплетни. В них черным по белому заявлялось, что скоординированная атака маркетинговых аккаунтов нанесла колоссальный ущерб деловой репутации артистов, в связи с чем они оставляют за собой право обратиться в суд.

Иными словами, Линь Тунси предлагал объявить войну всей армии маркетинговых аккаунтов.

— Вы можете ограничиться стандартным опровержением, — равнодушно отозвался Линь Тунси. — Если опасаетесь последствий, просто вычеркните абзац про суд. Главное — обозначить позицию.

Гао Лан без лишних слов переслал файл в рабочий чат своего агентства:

— Я же сказал, что поддерживаю тебя во всем.

Ли Маньмань поколебалась пару секунд, но тоже отправила документ своей команде. Получив ответ от менеджера, она негромко произнесла:

— Брат Линь, мой агент считает, что текст составлен безупречно. Мы опубликуем его без изменений. Но она предупреждает: судиться с этими маркетинговыми аккаунтами — сизифов труд. Закроешь один — на его месте вырастет десяток новых. Реальной пользы от этого мало. Она спрашивает, есть ли у тебя какой-то другой план?

— Другой план? — Линь Тунси изогнул бровь. — О, у меня масса идей. Помнится, во время съемок я пересекался с твоим агентом. Она тогда заметила, что я — самый независимый и свободный от чужого мнения актер в индустрии, верно?

— Да, было такое, — подтвердила девушка.

Линь Тунси небрежно бросил телефон на стол. Его улыбка казалась невероятно мягкой и безобидной:

— Вот именно. Терять мне абсолютно нечего. Раз уж они решили поиграть, я устрою им шоу до победного конца.

От этой безмятежной улыбки у присутствующих помощников режиссера пробежал мороз по коже. Казалось, ледяной зимний ветер ворвался прямо в теплую комнату.

Гао Лан задумчиво молчал, а Ли Маньмань тщетно пыталась разгадать, что творится в голове этого человека.

— Тунси, полиция выложила официальный релиз, — прервал тишину Ся Чуньчжи, не

отрывавшийся от мониторинга Сети.

— Ну что ж, — улыбнулся Линь Тунси, — занавес поднимается.

Заявление съемочной группы, релиз студии Гао Лана, опровержение от агентства Ли Маньмань — сообщения улетали в Сеть одно за другим, переворачивая медийное пространство.

Дождавшись, пока все закончат, Линь Тунси нажал кнопку записи и отправил Лэ Бэю короткое голосовое:

— Нашу декларацию можно публиковать.

В ту же секунду Ся Чуньчжи, Гао Лан и Ли Маньмань обновили страницу официального аккаунта Линь Тунси. Любопытство буквально сжигало их изнутри — всем не терпелось увидеть, какой козырь заготовил этот парень.

[Студия Линь Тунси V]

[Ниже приведен список из пятисот маркетинговых аккаунтов, систематически занимавшихся клеветой, травлей и распространением ложной информации в отношении господина Линь Тунси. На данный момент 239 из этих учетных записей были спешно удалены владельцами, остальные продолжают функционировать.]

[Все публикации, порочащие честь и достоинство Линь Тунси, включая видео- и фотоматериалы, были нотариально заверены и сохранены в архиве с фиксацией точного времени. Данная база охватывает период в четыре года.]

[Все владельцы указанных ресурсов, включая организаторов текущей кампании по дискредитации, станут фигурантами судебных исков. Мы переходим к стадии официального преследования для защиты законных прав нашего артиста.]

[Личности администраторов и реальных владельцев данных платформ установлены и переданы в правоохранительные органы. Мы не намерены идти на мировые соглашения ни с одним из клеветников.]

[Призываем пользователей Сети соблюдать закон, поддерживать здоровую информационную среду и не становиться соучастниками травли.]

И в качестве вишенки на торте — восемнадцать прикрепленных документов высокого разрешения, на которых аккуратными рядами были расписаны названия, ID и реальные регистрационные данные пятисот маркетинговых аккаунтов. Это была не просто декларация намерений. Это была публичная казнь в прямом эфире.

Пятьсот целей. Без предупреждения, без попыток договориться за кулисами — лобовой, сокрушительный удар.

Гао Лан бегло просмотрел списки и устало потер переносицу. «Сумасшедший мальчишка», — пронеслось в голове.

Подать в суд на пятьсот аккаунтов разом? Но ведь за этими профилями стояли не просто админы-одиночки. Половина из них принадлежала водяной армии крупных продюсерских центров, треть кормилась с рук пиар-отделов конкурирующих звезд. Объявить им войну означало плюнуть в лицо половине отечественного шоу-бизнеса.

Вот она, «полная свобода от условностей», о которой говорил Тунси. Это было не просто отсутствие страха — это был открытый вызов всей устоявшейся системе правил.

Каким же немыслимым влиянием должна обладать семья Линь, чтобы вырастить наследника столь безупречно расчетливым, холодным и в то же время безудержно, чертовски дерзким?

<http://bllate.org/book/20602/2132174>